

**СЛОВА *ИМѢНИЕ* И *ЖИВОТЬ*
КАК НАИМЕНОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются слова *имѣние* и *животъ*, служащие родовыми наименованиями имущества в древнерусском языке XI-XIV вв. Функционирование этих наименований в древнерусских текстах было обусловлено языковой ситуацией диглоссии, предопределившей терминологизацию слова *животъ* в юридической сфере, предоставлявшей функциональные предпочтения для восточнославянских лексем в роли юридических терминов и закрытой в этом отношении для церковнославянизмов. В системе наименований имущества слово *животъ* отмечено наличием признака 'движимое имущество', в то время как *имѣние* служит обобщенным наименованием имущества – как движимого, так и недвижимого. Однако главное системное противопоставление терминов состоит в их стилистической маркированности: книжно-славянское слово *имѣние* – термин христианской сферы, *животъ* – слово профанное, употребительное в памятниках деловой письменности.

ключевые слова: *имѣние*, *животъ*, наименования имущества, русский язык XI-XIV вв., диглоссия.

А.Р.Mayorov

**THE WORDS *ИМѢНИЕ* AND *ЖИВОТЬ* AS THE ITEMS OF PROPERTY IN
THE ANCIENT LANGUAGE**

The article discusses the words *имѣние*, *животъ* that serve as generic items in the ancient Russian language of XI-XIV centuries the Functioning of these names in the ancient texts was due to the linguistic situation of diglossia behind terminological the word *животъ* in the legal field that provided functional preferences for Eastern Slavic words in the role of legal terms and closed in this regard to old church. In the system items *животъ* is marked by the presence of the characteristic 'movable property', whereas *имѣние* is a generic name of property, both movable and immovable. However, the main systematic opposition of the terms is their stylistic marking: book-Slavic word *имѣние* is a term the Christian sphere, *животъ* is the word profane, common in the monuments of business writing.

keywords: *имѣние*, *животъ*, the items of property, Russian language of XI-XIV centuries, diglossia

Тема имущественных отношений и имущества традиционно является прерогативой юридических исследований [Владимирский-Буданов; Ключевский; Победоносцев; Рогов; Томсинов]. В лингвистике эта тема, как правило, рассматривалась в рамках категории посессивности, которой были посвящены многочисленные труды. В частности, исследовались эволюция категории посессивности на материале разных языков, история возникновения и развития лексем посессивной семантики, а также появление и влияние на индоевропейские языки новых форм выражения понятия «обладание» (Ш. Балли, Э. Бенвенист, В.И. Топоров), функциональный статус категории притяжательности и категория посессивности как фрагмент языковой картины мира (Р.Лангакер, Зейлер, Е.М.Вольф, А.В.Бондарко), лексико-семантическое поле отношение человека к собственности (С.М.Толстая, Е.Л.Березович, А.А.Едалина) и в истории русского языка, в частности в работах К.П. Смолиной. Однако специальные историко-лингвистические исследования юридических наименований имущества, имущественных отношений и видов вещного права в лингвистике не проводились. Можно назвать лишь отдельные современные работы, в которых эта тема так или иначе затрагивалась [Карпенко; Киржаева; Смолина].

В древнерусском языке, по данным исторических словарей русского языка и других источников, обнаруживается многокомпонентный синонимический ряд наименований имущества: *имѣниѣ* – *животъ* – *задѣница* – *наслѣдие* – *стѣжаниѣ* – *добро* – *домъ* – *скотъ* – *жирь*.

Эти названия уже с разных сторон характеризуют многоликий социальный статус имущества, его полифункциональную сущность: *добро* ‘добро, имущество, пожитки’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.2, 480], *животъ* ‘имущество, нажитое’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.3, 258], *жирь*¹ ‘богатство, довольство’ [Сл.РЯ XI-

¹ Слово *жирь* с этим значением встречается только в «Слове о полку Игореве»: Ту немци и венецици, ту греци и морава поють Святославлю, кають князя Игоря, иже погрузи **жирь** во дне Каялы реки половецкыя. Рассматривая этот единственный случай употребления, допустимо предположить, что в данном контексте *жирь* обозначает не столько богатство, сколько имущество как совокупность материальных ценностей.

XVII, вып.5, 113], *имѣниѣ* ‘имущество, состояние’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.4, 148-149], *скоть* ‘имущество; деньги’ [Сл.РЯ XI-XVII, вып.25. 7], *стяжание* ‘имущество, собственность, богатство; тж. образно’ [Сл.РЯ XI-XVII, вып.28, 230]. Особо следует выделить группу терминов наследственного права – *задѣница* ‘наследство’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.3, 300], *беззадѣщина* ‘выморочное имение’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.1, 118], *беззадѣница* ‘имущество, оставшееся после смерти владельца, у которого нет прямых наследников’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.1, 118], *домъ* ‘имущество, достаток’ [Сл.РЯ XI-XIV, т.3, 50], [подробнее см. Киржаева].

В древнерусском обществе правового понятия имущества еще не существовало; Киевская Русь не знала рецепций римского права, и имущественные отношения регулировались нормами обычного права, т.е. с опорой на обыденное и довольно размытое с современной точки зрения представление о вещном праве. В языке той эпохи номинация имущества в юридическом аспекте, несмотря на относительное разнообразие его характеристик, еще не отражает сложных общественно-экономических отношений, поскольку в ней преобладает «начало личной, материальной власти человека над природой» [Победоносцев].

Проблема рассмотрения наименований имущества древнерусской эпохи усугубляется тем, что языковая ситуация в Киевской Руси была своеобразной; в ней использовались два языка – стандартный древнерусский язык, обслуживавший государственные нужды Киевской Руси, и церковнославянский язык, использующийся с религиозно-сакральными функциями, что неизбежным образом отражалось на функционировании родовых наименований имущества.

В первую очередь это отражается на различных по происхождению ключевых терминах *животь* и *имѣниѣ*, из которых первое – русское, второе – старославянское (церковнославянское) слово.

Некоторые ученые рассматривают церковнославянские и русские термины как коррелянтные пары при наименовании одного и того же

понятия в условиях церковнославянско-русской диглоссии в Киевской Руси [Живов, с.49-50; Успенский, 106-107]. Например:

церковнослав.	рус.
<i>законъ</i>	<i>правда</i>
<i>убиство</i>	<i>головщина</i>
<i>рабъ</i>	<i>робъ, холопъ</i>
<i>свѣдѣтель</i>	<i>послухъ</i>
<i>имѣние, стажание</i>	<i>домъ, животъ</i>
<i>наслѣдие</i>	<i>задѣница</i>

Особо подчеркивается, что сферы употребления генетически разнородных слов распределены так, что русские термины не встречаются в церковнославянских юридических памятниках, а церковнославянские – в русских юридических кодексах [Успенский, с.106].

Следует заметить, что диглоссийное распределение рассматриваемых наименований имущества прослеживается шире, не ограничиваясь текстами юридического характера. Наблюдается довольно последовательная дистрибуция употребления слова *животъ* в текстах деловой и бытовой письменности (грамотах, грамотках, уставах, законодательных сводах), а слова *имѣние* – преимущественно в книжно-славянских текстах (канонических священных текстах, житиях, кормчих книгах, летописях, сборниках – прологах, патериках, пчелах и т.п.).

Например, термин *животъ* употребителен в грамотах и уставах:

а се црковнии судъ ... пошибанье умычка промежь мужемъ и женою о **животѣ** въ племени или въ сватьствѣ поимуться (УВлад. сп. сер. XIV в.); – А мнѣ что дал князь великий изъ Олексѣева **живота**, того ми Олексѣю не давати (Моск. Гр. 1350-1351); – Се азъ рабъ бжиі Мосии пишу рукописание при своемъ животѣ а приказываю **животъ** свои дѣтемъ своимъ (Новг.берест.гр №519, кон. XIV).

С другой стороны, слово *имѣниѣ* предпочтительнее в летописях и житиях:

приимъшеи бо власть и **имѣниѣ** отъ княза своего (Изб., 1076); и **имѣнья** движимаго же и недвижимаго полагаги в залогъ (КР, 1284); сътажалъ **имѣния** немало (ЖФП, XII); И розда убогым **имѣние** свое: все золото и серебро и камене дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряныи, и свое, иже бѣше по отци своемъ стажалъ, все розда (Гал.-Вол.лет., XIII), сице даю цркви сеи стѣи от **имѣнья** моего и отъ градъ моихъ десатую часть (ЛЛ, 1377).

Наблюдая за употреблением слов *имѣние* и *животъ* в древнерусских текстах, следует согласиться с В.А.Томсиновым в том, что изначальное использование данных слов в разных сферах общения предопределило разницу в значениях лексических единиц. Как справедливо указывает видный специалист в области истории русской юриспруденции, «различия в происхождении и в предназначении между использовавшимися для выражения юридических понятий терминами церковнославянского языка, с одной стороны, и терминами русского языка, с другой, неизбежно влекли за собой существенные расхождения и в их значениях» [Томсинов, с.86]. Ученый дискутирует с В.М.Живовым, Б.А.Успенским, а также с Б.О.Унбегауном, который еще в 60-х гг. 20-го века высказывал мнение о том, что церковнославянский язык был исключен из области древнерусского права и судопроизводства [Унбегаун, с.179], и на примере церковнославянского термина *законъ* и русского *правда* показывает различие в значениях двух слов.

Об изначальном различии в семантике слов *имение* и *животъ* свидетельствует внутренняя форма той и другой лексемы, исторически связанная с признаком, который был положен в основу номинации определенных видов имущества и в той или иной мере сохранился в лексической структуре слова.

Наиболее прозрачна внутренняя форма слова *имение*, в которой семантический признак 'иметь' характеризует имущество как таковое, движимое и недвижимое. Данный семантический признак отражает обобщенное представление имущества у древнерусских людей; абстрактный характер значения слова связан еще с тем, что в церковнославянских текстах семантика слова *имение* интенсивно насыщалась дополнительными смысловыми коннотациями христианского вероисповедания. Имущество, обозначаемое словом *имение*, понималось как совокупность материальных благ, которыми владеют люди на земле, как символ тленных земных богатств в противоположность духовным ценностям, сосредоточенным в христианской религии. В священных текстах эта антиномия проводится красной нитью: *Не собирайте себе сокровищ на земле, ... но собирайте себе сокровища на небе* (Ев. от Луки); *богатство человеческое именьемъ познается, а вера же нравом его* (Пч., к. XIV); *странень сыи и не озобилень. но нищъ именьемъ. многы же обогатити духовне* (ГБ, XIV).

Глубоко религиозные люди, подвижники христианской веры бегут имения как некоего соблазна: *оставившее мира и яже в мире родителю и чада и имение житииское* (ФСт XIV). Имение расценивается как Божий дар (*богатворное имение*): оно передается по наследству (*понеже изволилъ еси моего имения наследникъ быти* (ЖВИ XIV), но может при этом передаваться в дар церкви (*сице даю церкви сеи святеи Бци от именья моего* (ЛЛ, 1377), в пожертвование (*приведи к жертвеннику вошь твои ... и иная именья твоя* (СБУВ XIV), раздаваться убогим (*розда имение убогымъ* XIV) и т.п. Понятие имения, с одной стороны, ассоциируется с изобилием, богатством, преумножением: *бецисленое имение, имение многоценное и неизчетное*, но, с другой стороны, содержит негативную религиозно-этическую оценку имущества: подчеркивается тленность имущества, которым люди владеют в земной жизни (*расточи имение*), его принадлежность несправедливым людям (*имение неправдъныхъ*).

В отличие от термина *имение* лексема *животъ* выступает преимущественно в роли юридического названия движимого имущества, принадлежащего, как правило, отдельному лицу. Внутренняя форма слова подсказывает, что в основе слова *животъ*, равно как исторически однокоренного *жирь*, лежит корень с семей 'жить'. Неслучайно в русском языке XI-XVIII вв. первым и основным у слова *животъ* было значение 'жизнь', с которым живая ассоциативная связь значения имущества, жизненно важного для его владельца, сохраняется. Редкий пример употребления древнерусского слова в одном контексте в обоих значениях, на мой взгляд, подтверждает актуальность этой связи:

Се азъ рабъ бжиі Мосии пишу рукописаниѹ при своѹмъ животѹ а приказываю **животъ** свои дѣтемъ своимъ (Новг.берест.гр. №519, кон. XIV).

Признак движимого имущества у слова *животъ* хорошо иллюстрируется примерами из древнерусских деловых текстов:

А цо было **живота** твоего то все взяли (Новг.берест.гр., гр.135), а безъ другого коня **животъ** пометаль, а иное розроняль (там же).

Лексическая синтагматика *пометати животъ*, *взяти животъ* однозначно указывает на возможность перемещать принадлежащие субъекту владения вещи (бросить *пометать*, передать кому-л. и т.п.) - то, что называется *животомъ*.

Таким образом, в системе наименований имущества слова *имение* и *животъ* находятся в привативной оппозиции, в которой слово *животъ* отмечено наличием признака 'движимое имущество', в то время как *имение* служит более обобщенным наименованием имущества – как движимого, так и недвижимого. Однако главное системное противопоставление терминов состоит в том, что оно маркировано стилистически: книжно-славянское слово *имение* – термин христианской сферы, *животъ* – слово профанное, употребительное в памятниках деловой письменности. Собственно, фактор диглоссии предопределил терминологизацию слова *животъ* в юридической сфере, предоставлявшей функциональные предпочтения для

восточнославянских лексем в роли юридических терминов и закрытой в этом отношении для церковнославянизмов. Впоследствии сформировавшееся в эпоху Киевской Руси диглосийное противопоставление наименований имущества *имение* и *животъ* сохранится вплоть до семнадцатого столетия. При этом в связи с совершенствованием института права собственности и появлением в имущественной сфере новых юридических понятий семантика термина *животъ* будет расширяться.

Литература

1. Виноградова Н.Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке. Автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права // http://statehistory.ru/books/Mikhail-Vladimirskiy-Budanov_Obzor-istorii-russkogo-prava/44
3. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman*. Ed. by M. Halle et al. Columbus, 1988.
4. Карпенко Л.Б. О роли церковнославянской традиции в развитии лексики русского права // *Вестник СПбГУ. Сер.9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016. Вып.1. С.70-77.
5. Киржаева В.П. Термины наследственного права в договорах русских с греками и Русской Правде: к проблеме функционально-семантических и деривационных отношений // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание*. 2014. №5 (24). С.7-15.
6. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. Лекция XI. Мысль об отчине. С.192-194, Лекция XIV. Недвижимость и личность. С.249-250; Т.2. Курс русской истории. Ч.2. Лекция XXII. Движимое и вотчина. С.31-32, Лекция XXXIII. Поместье и вотчина. С.215-222. М.: Мысль, 1987.
7. Левина Н. Н. Эволюция категории "обладание" в русском и французском языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20.- Пятигорск, 2007.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Тома I-III. С.-Петербург, Синодальная типография, 1896 г. // <http://detectivebooks.ru/book/20777910/?page=4>
9. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении теории права (Очерки IX-XVII) М.: МГИУ, 2006. – 269 с.

10. Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв. / К. П. Смолина; Отв. ред. В. В. Лопатин; АН СССР, Ин-т рус. яз. - М. : Наука, 1990. – 204 с.
11. Томсинов, В. А. Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV-XVI вв.). Статья третья. [Текст] / В.А. Томсинов // Законодательство. - 2005. - №6. - С. 85-89.
12. Унбегаун Б.О. Язык русского права // На темы русские и общие: сб. статей и материалов в честь проф. Н.С.Тимашева. Нью-Йорк. Издание об-ва друзей русской культуры. 1965. С.178-184.
13. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Словари и письменные памятники:

Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) в десяти томах. Т. I-IV. М.: «Русский язык», 1988.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.5 (*Е – Зинутие*). М.: Изд-тво «Наука», 1978.

Список сокращений, принятых в лексикографических источниках и в настоящей статье:

Гал.-Вол.лет. – Галицко-Волынская летопись

ГБ – 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского

Ев. от Луки – Евангелие от Луки

ЖФП – Житие Феодосия Печерского

ЖВИ XIV – Сборник житий и слов

Изб.1076 – Изборник 1076 года

КР – Кормчая Рязанская 1284 г.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись

Моск. Гр. – Московская грамота

Новг.берест.гр. – Новгородские берестяные грамоты

Пч – Древняя русская Пчела по пергаменному списку

СБУВ XIV – Сборник XIV в., ГИМ, Увар.

Сл.РЯ XI-XIV – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)

Сл.РЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв.

УВлад сп. сер. XIV в.– Устав князя Владимира Святославича о судах церковных

ФСт XIV – Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в.

Майоров Александр Петрович профессор кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета, доктор филологических наук

Mayorov Alexander Petrovich, Professor at the chair of the general and historical linguistics of the Buryat state university, the Doctor of Philology

Тел.: (3012)554070; e-mail:map1955@mail.ru